

ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ УПОТРЕБЛЕНИЯ СОВЕТИЗМОВ В РЕЧИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ

К. О. Сапарова, С. А. Рузметов

Узбекский государственный университет мировых языков, Ташкент, Узбекистан

Рассматривается проблема функционально-коммуникативной обусловленности употребления советизмов представителями старшего поколения в речи на примере узбекского языка. Отмечается, что в узбекском языке русские заимствования советского периода составляют особый пласт лексических единиц, являющихся в настоящее время характерным признаком речи в основном представителей старшего поколения.

Ключевые слова: представитель старшего поколения, советизм, заимствование, дифференцированное восприятие, адаптация, арабизм, посредничество, дефицит наименований.

В связи с процессом увеличения доли представителей старшего поколения в общей численности населения, что наблюдается во всем мире, вопросы, связанные со старостью и старением, становятся одними из ключевых и актуальных, обсуждаемых на мировом уровне. Выдвижение представителей старшего поколения в качестве объекта исследования обусловлено процессом общего старения населения во многих странах: в сравнении с 2017 г., когда доля пожилого населения составляла 13 % общей численности населения мира, по прогнозам демографов, к 2050 г. она будет составлять четверть населения (<https://www.un.org>). Это ставит на повестку дня вопрос об изучении проблем, связанных с процессом старения для геронтологов и ученых других смежных отраслей. В частности, приобретают особый научный интерес изучение вопросов речеповеденческой деятельности, исследование познавательных особенностей для лингвистов и т. д.

Кроме этого, как утверждает И. А. Стернин, общение представителей старшего поколения практически не изучено в возрастной и коммуникативной лингвистике. Данный вопрос стал предметом исследования только в психологии и психотерапии [10. С. 5]. В свою очередь неизученность коммуникативных особенностей представителей старшего поколения в лингвистике, в частности факторов, воздействующих на выбор и употребление иноязычных слов в речи, свидетельствует об актуальности выбранной нами темы данной статьи.

Пожилые люди — особая социально-демографическая группа, характеризующаяся неоднородностью внутри демографической группы, социальной зрелостью, специфическим миропониманием,

изменением социального положения в связи с выходом на пенсию, который обуславливает смену образа жизни, семейных и общественных функций, высоким профессионализмом, постепенным ухудшением здоровья, обусловленным процессом биологического старения [9. С. 170]. Представители старшего поколения отличаются от репрезентантов других возрастных групп особым образом мышления, социальной ролью, опытом, элементом которого можно считать мудрость, иногда и слабым состоянием здоровья, обусловленного ухудшением обмена веществ в организме, и т. п.

Для пожилых людей, по словам И. А. Стернина, характерны возрастные особенности восприятия некоторых понятий, в результате чего, говоря об одном и том же, пожилые и молодые понимают суть по-разному. Далее автор приводит в качестве примера слово «лидер». Под этим понятием молодежь подразумевает активного, амбициозного, наступательного человека с карьерным продвижением, а в сознании пожилого человека — это человек, умеющий брать на себя ответственность и оказывать поддержку другим [10. С. 17]. В качестве примера дифференцированного восприятия заимствований в узбекском языке представителями молодого и старшего поколений можно привести и слово *купон*, которое было заимствовано из французского языка (*couper* — *отрезать*) и через посредничество русского языка попало в узбекский. Под этим понятием пожилой человек может понимать денежную единицу (сум-купон), действовавшую в Узбекистане в 1993—1994 гг. Молодой человек понимает это слово в его новом значении «документ или отрезной талон, дающий право на скидку при покупке».

Как утверждает О. В. Бахмет, в английском языке есть лексические единицы, маркирующие принадлежность человека к определенной возрастной группе [1. С. 8]. Это проявляется и в узбекском языке. В качестве примера к слову, маркирующему принадлежность человека к старшему поколению, может послужить функционирование в его речи термина *кооператив*, заимствованного из немецкого языка (*Kooperative* — *сотрудничество*) через посредство русского. В советское время в русском языке часто употреблялось производное от данного слова прилагательное *кооперативный* (*кооперативный магазин* — магазин, основанный на принципе объединения средств пайщиков). С распадом СССР это прилагательное было заменено словом *акционерный*, производным от *акция*.

Изучая вопрос о различиях в речи пожилых людей и молодежи, Н. С. Трубецкой отмечает, что в большинстве случаев молодежь преднамеренно остерегается воспроизводить произношение пожилых людей, так как в их понимании речь представителей старшего поколения характеризуется «старомодностью» [11. С. 27]. Речь данных возрастных групп может различаться не только произношением, но и употреблением заимствованных слов: в речи молодежи преобладают новейшие заимствования, а речь пожилых людей может характеризоваться употреблением таких заимствований, которые ввиду некоторых обстоятельств могли устареть. Например, в речи пожилых людей часто используются советизмы — лексические единицы (слова, словосочетания, обороты, сокращения), проникшие в узбекский язык в годы советской власти из русского языка или через его посредство и обозначающие в основном понятия и реалии того периода.

«В годы советской власти узбекский язык развивается ускоренными темпами. Он обрел все компоненты и атрибуты, характеризующие современные развитые национальные языки: богатый словарный состав, разнообразную терминологию, развитую систему стилей литературного языка, научно разработанную грамматику и др. [13. С. 4]. Действительно, серьезные научные работы начались осуществляться в советский период. Именно тогда зародилось узбекское языкознание в научно обработанном виде. Исследованию подверглись не только литературный язык, но и его диалекты.

К. А. Ушаров, рассматривавший состояние узбекского языка в 1940-х гг., отмечал, что «узбекский язык переживал период бурного развития»: менялась экономика страны, бурными темпами

коллективизировались кишлак и аул, что непосредственно отражалось и на языке. Для обозначения новых явлений, новых межличностных отношений необходимы были новые слова [12. С. 5—6]. Однако «словарный состав узбекского языка не отвечал уровню развития промышленности, науки и культуры» [13. С. 4].

Дефицит наименований в узбекском языке для обозначения новых явлений и понятий восполнялся за счет заимствованных из русского или других языков слов. Например, в узбекский язык проникли слова *китель* (нем. *Kittel*), *линейка* (лат. *lineare*), *партия* (франц. *parti*). Кроме этого, узбекский язык заимствовал более сотни исконно русских слов типа *съезд*, *совет*, *райПО*, *общепит*, *комхоз*, *гражданин* и т. п.

В этот период в узбекский язык через русский проникли такие слова, как *билет* (документ, выданный какой-нибудь организацией и подтверждающий членство в ней), *газвода* (газированная вода), *пионер* (член детской коммунистической организации), *галстук* (пионерский — символическая шейная косынка пионеров), *значок* (небольшая символическая нагрудная иконка), *керосинка* (нагревательный прибор для приготовления пищи), *коллективизация* (объединение земельных участков мелкопоместных крестьян-дехкан), *комитет* (в основном выборный орган для руководства какой-нибудь деятельностью), *мотоцикл* (двухколесное транспортное средство с двигателем внутреннего сгорания), *обком* (сокр. от *областной комитет партии*), *партбилет* (сокр. от *партийный билет*, подтверждающий членство в партии), *печь* (бытовой прибор для приготовления пищи путем испекания), *райком* (сокр. от *районный комитет партии*), *сберкнижка* (сокр. от *сберегательная книжка*), *стакан* (стеклянный сосуд для жидкости), *телогрейка* (вид утепленной одежды), *фартук* (передник, защищающий одежду от грязи) и многие другие общественно-политические термины.

Эти слова были одними из самых частотных в печати, на радио и телевидении в годы советской власти.

Особую группу советизмов составляли аббревиационные образования, среди которых можно встретить и буквенные, и звуковые.

Буквенные аббревиатуры:

- АТС — автоматизированная телефонная станция.
- КПП — контрольно-пропускной пункт.
- ПТУ — профессионально-техническое училище.

Звуковые аббревиатуры:

- СЭС — санитарно-эпидемиологическая служба.

- ОВИР — отдел виз и регистрация иностранных граждан.

- ЗАГС — запись актов гражданского состояния.

Иноязычные слова, попав в узбекскую языковую среду, начинали подчиняться законам данного языка. В первую очередь они проходили этап фонетического освоения: *выговор* [в'и'гъвьр], *газик* [га'з'ик'] (автомобили, выпускаемые предприятием «Горьковский автомобильный завод»), *горелка* [г'ар'и'л'к'ja'] и т. д.

Суть процесса заимствования исследователями трактуется по-разному. Так, некоторые лингвисты под заимствованием подразумевают процесс «перемещения» лексических единиц из одного языка в другой (Л. П. Крысин, А. П. Майоров и др.), другие — слова, полученные в результате процесса освоения иноязычных слов (графическое, фонетическое, морфологическое оформление) (О. С. Ахманова, Е. В. Маринова и др.). Д. Э. Розенталь понимает заимствование шире, как «слова, вливающиеся из других языков, в результате экономических, политических и культурных связей с другими государствами...» [8. С. 69].

Не менее спорным вопросом в лингвистике является обозначение заимствованных слов. По этому поводу Д. С. Лотте отмечает, что такие слова в русском языке имеют несколько обозначений: *иностранные слова, иноязычные слова, иностранные заимствования, иноязычные заимствования, заимствования* и т. п. Ранее применялись также термины *иноплеменные слова* и *иноземные слова* [6. С. 9]. Рассматривая данный вопрос, некоторые исследователи пытаются даже дифференцировать их.

Так, В. Н. Ярцева заимствованным словам противопоставляет иностранные слова, звуковые, орфографические, грамматические и семантические особенности которых чужды исконным словам [15. С. 158]. По нашему мнению, обозначения «заимствованное слово» и «иноязычное слово» абсолютно тождественны: в обоих случаях чужое слово проникает в язык, оформляется соответствующим образом.

Здесь следует только различать типы заимствований по степени адаптированности в языке, под которыми мы различаем *полностью освоенные заимствования* и *слова, адаптированные частично*. В первом случае слово в узбекском языке может

служить производящей основой: *водопровод* (*водопроводчи, водопроводсиз*), *дружина* (*дружиначи*), *завхоз* (*завхозчилик*), *партия* (*партиячи, партиявий*), *печка* (*печкачи, печкасимон*), *погон* (*погонли, погонсиз*). Е. А. Земская отмечает, что «использование иноязычного слова в качестве базовой основы служит дополнительным показателем его вхождения в систему языка» [4. С. 14].

Итак, слова *водопроводчи, водопроводсиз, дружиначи, завхозчилик, партиячи, партиявий, печкачи, печкасимон, погонли, погонсиз* в деривационном отношении можно считать исконно узбекскими, так как они образовались на базе словообразовательных ресурсов узбекского языка. Частично адаптированные советизмы также понятны носителям языка, в нашем случае представителям старшего поколения, но их деривационный потенциал равен нулю (*жаркоп, извои, керосинка, паёк, политрук, чекист, шотландка*).

Если считать заимствования результатом экономических, политических, культурных, спортивных и других взаимоотношений, то их проникновение в язык необходимо для развития языка. Как верно отмечает Ч. Юйпин, нет такого языка, который был бы совсем свободен от иноязычных явлений, так как ни один народ в современном мире не живет совершенно изолированно [14. С. 87]. Это подтверждается и словами великого русского языковеда А. А. Реформатского, который указывает, что нет ни одного языка в мире, лексикон которого состоит только из исконных слов: в каждом языке имеется пласт заимствованных слов [7. С. 139].

Несмотря на это, в рамках «чистки» языка от иноязычных вкраплений, велась своего рода борьба с заимствованиями. Если заглянуть в историю, то, как отмечает Н. С. Валгина, в 1940-х гг. они оценивались как идеологически чуждые элементы, употребление которых в речи приравнивалось к антипатриотизму [2]. Следует отметить, что в Советском Узбекистане арабизмы также подверглись целевой политике их отторжения и выведения из состава узбекского языка как «архаичного наследия феодального прошлого» [5. С. 3]. Некоторыми государственными и негосударственными организациями делается попытка табуирования заимствованных слов, в частности и в России. В качестве примера можно привести инициативу ЛДПР по введению запрета на использование иноязычных слов в СМИ журналистами (<https://www.forbes.ru>), петиции британцев о запрете американизмов (<http://www.bbc.com>). В свою очередь в период независимости аналогичный процесс стал затрагивать и советизмы,

принимавшиеся как пережитки старого политического режима.

Взамен арабизмов в XX в. «узбекский язык обогатил свой словарный состав сотнями новых слов. Эти слова вошли в узбекский язык главным образом из русского или через его посредничество из английского, французского, греческого, латинского, итальянского, голландского и других языков» [13. С. 4—5].

Большая часть этих заимствований до настоящего времени сохранилась в речи представителей старшего поколения. Часть из них понятна представителям всех возрастных групп (*колхоз, завхоз, открытка*), некоторые — лишь людям пожилого возраста (*керосинка, пластинка, подстанция*), а остальная часть — полностью архаизировалась. К единицам, которые по сей день сохранились в речи представителей пожилого возраста, можно отнести следующие: *колхоз* (сокр. от «*коллективное хозяйство*») — форма организации сельскохозяйственного труда, когда крестьяне объединялись в коллективы без права получения назад своего земельного участка; *совхоз* (сокр. от «*советское хозяйство*») — государственное сельскохозяйственное предприятие, созданное на средства государства; *взнос* — денежные средства, внесенные за получение каких-нибудь привилегий, прав, услуг; *военкомат* (сокр. от «*военный комиссариат*») — отдел местного управления, занимающийся военномобилизационными, учетно-призывными вопросами; *ГАИ* (сокр. от «*государственная автомобильная инспекция*») — служба, контролирующая вопросы соблюдения правил дорожного движения и т. п.

Одной из причин сохранения подобных заимствований в узбекоязычной речи представителей старшего поколения является социально-историческая обусловленность их употребления при общении со своими сверстниками или консерватистские позиции.

Например, слова *завхоз* (сокр. от *заведующий хозяйством*), *заём* (денежные средства или драгоценные предметы, пореданные в долг), *заклад* (ценности, служащие в качестве залога до возвращения долга), *заправка* (пункт для заправки топливом транспортных средств), *карман* или адаптирован-

ный в узбекском языке *кармон* (вшитый в одежду мешочек для ношения необходимых мелких вещей), *кирза* (многослойная водонепроницаемая ткань, которая использовалась в качестве материала для сапог), *косилка* (механизированная машина для косьбы), *kozyрь* (в карточной игре: масть, имеющая преимущества над другими), *монпансье* или адаптированный в узбекском языке *манпаси* (мелкие ароматизированные конфеты) и т. п.

Следует отметить, что эти слова, как и обозначаемые ими понятия, изжили себя: представителям старшего поколения могут быть понятны значения этих слов, но у молодежи вызывают затруднения в интерпретации.

Дело в том, что в годы независимости ряд советизмов или перешли в разряд историзмов, или же были заменены арабско-персидскими словами, поскольку оценивалось как пережитки советского периода (*бронемашинна — зирҳли машинна, вешалка — илғич, взнос — бадал, дача — далаҳовли, краска — бўёқ, колхоз — жамоа ҳўжжалиги, разведчик — жосус, тупик — берк кўча, устав — низом* и др.). Вполне закономерно, что подобные советизмы сохранились в речи представителей старшего поколения, а молодежь их не знает.

Итак, советизмы как характерный признак речи представителей старшего поколения представляют собой в современном узбекском литературном языке лексические единицы (слова, словосочетания, обороты, сокращения), перешедшие в данный язык в годы советской власти из русского языка или через его посредство под воздействием экономических, социально-политических, культурных, спортивных и других факторов и обозначающие в основном реалии и понятия того времени.

Функционирование советизмов узбекского языка в речи представителей старшего поколения является социально и исторически обусловленным явлением, характерным для общения пожилых людей преимущественно со своими сверстниками. При общении же с представителями других возрастных категорий советизмы могут выражать консерватистские позиции говорящих.

Список литературы

1. Бахмет, О. В. Языковая актуализация оценки геронтологических преобразований личности : автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. В. Бахмет. — СПб., 2006. — 22 с.
2. Валгина, Н. С. Активные процессы в современном русском языке / Н. С. Валгина. — М. : Логос, 2001. — 304 с.
3. Геранина, И. Н. О термине «заимствование» / И. Н. Геранина // Известия ПГПУ. — 2008. — № 6 (10). — С. 101—103.

4. Земская, Е. А. Активные процессы в русском словообразовании нашего времени / Е. А. Земская // *Acta Neophilologica*. — 2006. — № 8. — С. 9—21.
5. Казакбаева, Г. А. Арабизмы в узбекском языке в прикладном и теоретическом аспектах : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. А. Земская. — М., 2012. — 26 с.
6. Лотте, Д. С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов / Д. С. Лотте. — М., 1982. — 154 с.
7. Реформатский, А. А. Введение в языковедение / А. А. Реформатский. — М. : Аспект Пресс, 2004. — 536 с.
8. Розенталь, Д. Э. Справочник по русскому языку. Практическая стилистика / Д. Э. Розенталь. — М. : Оникс, 2001. — 384 с.
9. Сапожникова, Т. И. Социогеронтологическая характеристика пожилого возраста и старения как этапа жизненного цикла / Т. И. Сапожникова // *Ученые записки ЗабГУ*. — 2015. — № 4 (63). — С. 166—171.
10. Стернин, И. А. Общение со старшим поколением / И. А. Стернин. — Воронеж : Истоки, 2013. — 24 с.
11. Трубецкой, Н. С. Основы фонологии / Н. С. Трубецкой. — М. : Изд-во иностранной литературы, 1960. — 372 с.
12. Ушаров, К. А. Узбекский язык на современном этапе и тенденции его дальнейшего развития / К. А. Ушаров. — Л. : Изд-во АН СССР, 1932. — 26 с.
13. Ханазаров, К. Х. Развитие узбекского языка за годы советской власти / К. Х. Ханазаров. — М., 1970. — 10 с.
14. Юйпин, Ч. Иноязычные заимствования в современном русском языке / Ч. Юйпин // *Вестник Новосибирского государственного педагогического университета*. — 2015. — № 4 (26). — С. 86—93.
15. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. — М. : Большая Российская энциклопедия, 2002. — 709 с.

Сведения об авторах

Сапарова Кундуз Отабосевна — доктор филологических наук, доцент кафедры общего языкознания Узбекского государственного университета мировых языков, Ташкент, Узбекистан. kundus@mail.ru

Рузметов Сурож Аллаберганович — докторант Ургенчского государственного университета, Ургенч, Узбекистан. mr.filolog@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2020. No. 1 (435). Philology Sciences. Iss. 119. Pp. 158—163

FUNCTIONAL AND COMMUNICATIVE CONDITIONS OF THE USE OF SOVIETISMS IN THE SPEECH OF REPRESENTATIVES OF THE OLDER GENERATION

K.O. Saparova

Uzbek State University of World Languages, Tashkent, Uzbekistan

S.A. Ruzmetov

Urgench State University, Urgench, Uzbekistan

The article discusses the problem of functional and communicative conditioning of the use of Sovietisms in the speech of representatives of the older generation in the example of the Uzbek language. It is noted that in terms of the use of borrowed words, the speech of older people differs from the speech of youth: modern borrowed neologisms predominate in youth speech while outdated borrowings prevail in the speech of representatives of the older generation.

Keywords: *representatives of the older generation, Sovietism; borrowing, differentiated perception, adaptation, Arabism, mediation, shortage of items.*

References

1. Bahmet O.V. *Yazykovaya aktualizatsiya otsenki gerontologicheskikh preobrazovaniy lichnosti* [Linguistic actualization of the assessment of gerontological personality transformations. Abstract of thesis]. St. Petersburg, 2006. (In Russ.).
2. Valgina N.S. *Aktivnyie protsessyi v sovremennom russkom yazyike* [Active processes in modern Russian]. Moscow, Logos Publ., 2001. 304 p. (In Russ.).
3. Geranina I.N. O termine "zaimstvovanie" [About the term "borrowing"]. *Izvestiya PGPU* [PSPU News], 2008, no. 6 (10), pp. 101-103. (In Russ.).
4. Zemskaya E.A. Aktivnyie protsessyi v russkom slovoobrazovanii nashego vremeni [Active processes in the Russian derivation of our time]. *Acta Neophilologica*, 2006, no. 8, pp. 9-21. (In Russ.).
5. Kazakbaeva G.A. *Arabizmyi v uzbekskom yazyike v prikladnom i teoreticheskom aspektah* [Arabisms in the Uzbek language in applied and theoretical aspects. Abstract of thesis]. Moscow, 2012. (In Russ.).
6. Lotte D.S. *Voprosyi zaimstvovaniya i uporyadocheniya inoyazyichnyih terminov i terminoelementov* [Issues of borrowing and streamlining foreign terms and term elements]. Moscow, 1982. 154 p. (In Russ.).
7. Reformatskiy A.A. *Vvedenie v yazyikovedenie* [Introduction to Linguistics]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2004. 536 p. (In Russ.).
8. Rozental D.E. *Spravochnik po russkomu yazyiku. Prakticheskaya stilistika* [Handbook of the Russian language. Practical styling]. Moscow, Oniks Publ., 2001. 384 p. (In Russ.).
9. Sapozhnikova T.I. Sotsiogerontologicheskaya harakteristika pozhilogo vozrasta i stareniya kak etapa zhiznennogo tsikla [Socioherontological characteristics of the elderly and aging as a stage of the life cycle]. *Uchyonyie zapiski ZabGU* [Scientific notes of ZabGU], 2015, no. 4 (63), pp. 166-171. (In Russ.).
10. Sternin I.A. *Obschenie so starshim pokoleniem* [Communication with the older generation]. Voronezh, Istoki Publ., 2013. 24 p. (In Russ.).
11. Trubetskoy N.S. *Osnovyi fonologii* [Phonology Basics]. Moscow, Izdatelstvo inostrannoy literaturyi Publ., 1960. 372 p. (In Russ.).
12. Usharov K.A. *Uzbekskiy yazyik na sovremennom etape i tendentsii ego dalneyshego razvitiya* [Uzbek language at the present stage and trends of its further development]. Leningrad, Izdatelstvo AN SSSR Publ., 1932. 26 p. (In Russ.).
13. Hanazarov K.H. *Razvitie uzbekskogo yazyika za godyi sovetskoy vlasti* [The development of the Uzbek language during the years of Soviet power]. Moscow, 1970. 10 p. (In Russ.).
14. Yuypin Ch. Inoyazyichnyie zaimstvovaniya v sovremennom russkom yazyike [Foreign borrowing in modern Russian]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Novosibirsk State Pedagogical University], 2015, no. 4 (26), pp. 86-93. (In Russ.).
15. Yartseva V.N. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Bolshaya Rossiyskaya entsiklopediya Publ., 2002. 709 p. (In Russ.).